

Священный сосуд

Влад Шустов

Влад Шустов

Священный сосуд

«Автор»

2026

Шустов В.

Священный сосуд / В. Шустов — «Автор», 2026

Десятилетний Еше — послушник непальского монастыря Копан. Он не спорит со священными текстами, но видит то, о чём молчат древние трактаты: невидимый микромир триллионов древнейших созданий, вплетённых в плоть человека, где чистота помыслов способна исцелять безнадёжно больных. После ночного философского диспута, потрясшего монастырских учителей, мальчика спешно отправляют через всю Индию на тайную аудиенцию к Далай-ламе. Однако слухи о юном чудотворце опережают дорогу: Сеть взрывается видеозаписями исцелений, а жаждущая спасения толпа готова объявить ребёнка грядущим Мессией. Когда двери великой резиденции уже открыты, Еше предстоит сделать выбор, способный разрушить замыслы высших иерархов. Что перевесит: золотой трон живого божества или тихий зов погибающей души, которую этот мир давно счёл безнадежной?

© Шустов В., 2026

© Автор, 2026

Влад Шустов

Священный сосуд

СВЯЩЕННЫЙ СОСУД

роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Монах Еше

Во времена первичного океана, когда матушка-земля только-только зарождалась, была ещё совсем молода и пребывала в своём младенчестве, когда не было на ней ещё и зачатков жизни, за миллиарды лет до появления кислорода, — на ней были одни только бурлящие вулканические извержения, выбрасывавшие из жарких недр раскалённую массу на поверхность. И в это самое время к земле приближалось нечто огромное с дальних краёв бескрайнего космоса. Это был метеорит, несущийся на чудовищной скорости прямо на неё, и столкновение его с землёй было просто неизбежным, и, по всей вероятности, оно было не случайным, а роковым.

Когда метеорит со всей силой ударился о землю, в момент удара и колоссального взрыва от столкновения спящий в саду маленький монах Еше резко проснулся. Ему показалось, что метеорит врезался в него самого: ведь в тот самый момент он был там и наблюдал всё своими глазами.

Такого настоящего, осязаемого сна ему не снилось уже очень давно. Такие сны были редкими, но незабываемыми своей реалистичной силой. Еше проснулся весь в поту, сердце его рвалось наружу. У него до сих пор стоял в глазах тот метеорит, который ударился со всей силы о землю и сместил её с орбиты, и было колоссальное землетрясение, потрясшее всё до основания. Проснувшись, он ещё некоторое время видел это воочию, и так сильно, что на теле можно было заметить, как шевелятся волосы.

Постепенно он стал возвращаться сознанием, понимая, где находится. Оглянувшись по сторонам, он увидел, что сидит на том же самом месте, где и заснул. Пахло разогретой пылью и мокрым камнем. Где-то за стеной кто-то ронял медные чашки, и звук падал вниз по холму — ленивый, будничный, ничем не похожий на грохот из сна.

Это были территории его монастыря, его любимый сад, где сбоку от священной ступы росло небольшое вечнозелёное священное дерево чампака с крупными белыми цветами. Оно было вдвое выше его роста и давало узкую, но верную тень, и под ним он частенько укрывался от всех, когда заканчивались занятия и оставалось немного свободного времени. Это было его место отдыха и размышлений, место, где ему никто не мешал и не прерывал и где можно было спокойно, в одиночестве, рассуждать и мечтать.

Еше был мальчиком уединённым и предпочитал предаваться собственным мечтаниям и воображению, а не играм со сверстниками. Ему было всего лишь десять лет, и он уже четыре года находился в монастыре. В шесть лет его забрали у родителей, так как в нём было нечто, чего никто объяснить не мог: он был слишком разумным мальчишкой для того села, где родился, и это было заметно. В нём было нечто, чему наставники не находили названия, и никто из них не решался произнести вслух то, о чём все думали.

Имя ему дали здесь. Еше — мудрость: не та, которую накапливают, а та, которая уже есть и только ждёт, когда её вспомнят. Настоятель произнёс это имя один раз, тихо, и больше к нему не возвращался. Но мальчик запомнил, как в тот день на него посмотрели старшие монахи: так смотрят не на ребёнка, а на письмо, которое ещё не распечатали.

Его медитации всегда были самыми сосредоточенными, он предавался им с полной ответственностью и усердием, что было редкостью. И было видно, что делает он это естественно и с глубоким опытом, которому могли позавидовать сами ламы. А ещё все удивлялись его вооб-

ражению: он постоянно пребывал в своих мечтаниях, воображая какой-то свой необычный, дивный и чудный мир, который захватывал его полностью и из которого выйти было порой очень трудно.

Именно поэтому в монастыре младших всегда закрепляли за старшими, которые следили за их учёбой, здоровьем и дисциплиной. Это было правильно: такие монахи-наставники становились детям старшими братьями и заменяли им семью. К Еше приставили наставником старшего послушника Тензина. Он был гораздо старше Еше, но из тех же мест, где тот родился, и они быстро подружились.

Тензин был высоким и ответственным, его уважали и старшие, и младшие, потому что учёба давалась ему очень легко, а памяти его можно было просто позавидовать: он заучивал тексты наизусть, прочитав их раз или два. И ему это нравилось. Он постоянно сидел в библиотеке монастыря и изучал все древние манускрипты, а заодно и учебники по современной науке и новым разработкам. Он очень хотел хоть раз поговорить с искусственным интеллектом и заглянуть в необъятные просторы великого океана интернета. Но это было запрещено. Поэтому оставалось то, что было в открытом доступе в монастырской библиотеке, — а это он знал уже практически наизусть.

Их монастырь Копан был тибетским буддийским монастырём школы Гелуг, основанным в 1969 году ламами Тубтенем Еше и Сопой Ринпоче на холме возле ступы Боднатх, на окраине Катманду, в Непале. Но сами они, и Еше, и Тензин, были из одних мест — с той стороны хребта, где деревни лепятся к склону, где мужчины уходят вниз, в долину, на тяжёлую работу и куда почта идёт неделями.

Тензин уже принял тридцать шесть обетов послушника-гецула, и жизнь его теперь была расчерчена наперёд — как расчерчена дорога, с которой ещё можно сойти, но с которой не сходят. А Еше выбор ещё только предстоял. Он принял начальные обеты, рабджунг: не чинить вреда живым существам, не воровать, не лгать, не употреблять одурманивающих веществ и соблюдать целомудрие. Эти обеты были для него естественны, так как он был тем простым добродушным ребёнком, которому всё это и не было нужно.

И он не знал, как дальше сложится его жизнь, потому что по достижении совершеннолетия, к двадцати годам, он должен был решать сам: принять ли полные обеты на всю жизнь и стать монахом, как все, или вернуться к светской жизни, к своему отцу.

Мать Еше умерла через несколько месяцев после того, как его забрали в монастырь, не выдержав разлуки со своим единственным сыном. Об этом ему сообщил отец, написав в монастырь письмо, которое прочитал ему наставник Тензин в присутствии ламы Лодрё.

Письмо было написано чужой рукой. Внизу, отдельно, стояла кривая подпись отца — три знака, съехавшие вниз, будто рука, державшая перо, торопилась поскорее его отдать. Староста писал под диктовку, объяснил тогда Тензин. Еше кивнул. Он был мал, но уже умел не задавать тех вопросов, ответы на которые причинят боль тому, кого спрашиваешь.

Эта новость подкосила мальчишку. Ему только исполнилось семь лет, он был очень чувствителен, и в ночь смерти матери он и сам почувствовал это на расстоянии, и боль, что сжимала его сердце, колола своими спицами то с одной стороны, то с другой. Но Еше был силен, и наставники это видели и делали всё возможное, чтобы эта боль прошла как можно без травм для его души и психики. Тензин был всегда рядом. И в этот раз тоже.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Метеорит

Ещё отходя от сна, Еше попытался быстро себя успокоить: он умел это делать своими отшлифованными практиками медитации. Присев в позу лотоса, он закрыл глаза и дал сну и его впечатлениям уйти самим по себе, не цепляясь ни за них, ни за мысли. Успокоив себя в

моменте, Еще опять погрузился в себя и просидел так ещё некоторое время под деревцем, в его узкой тени, закрывавшей его от солнца.

Вдруг он почувствовал перед собой чьё-то присутствие и плавно открыл глаза. Перед ним стоял его друг и старший наставник, послушник Тензин.

Тензин присел рядом, посмотрел на Еще и увидел, что тот хочет ему что-то сказать.

— Ты хочешь о чём-то спросить? — сказал Тензин.

— Да. Мы не можем причинить вред животным. Мы пьём через сеточку, чтобы случайно не проглотить кого-нибудь из них, ходим по траве очень аккуратно, чтобы никого не раздавить, не причиняем вреда деревьям, понимая, что они живые и у них есть душа. Но ведь с каждым вздохом мы глотаем сотни тысяч более мелких животных. Бактерий. Они же тоже живые?

Тензин ответил не сразу. Он посмотрел на свои ладони — так, будто впервые увидел, что они из чего-то состоят.

— Да. Ты прав, Еще. Всё живое во вселенной: и эти деревья, и земля, и сам космос. И возможно, мы такие же бактерии для него, как и те, которыми дышим мы. Всё взаимосвязано в универсуме. И возможно, мы для них тоже являемся высшими существами, как космос для нас. И мы не причиняем им боль, а даём им среду обитания, их дом, и заботимся о них и об их здоровье — от того, что ведём правильный образ жизни. Мы кормим их и создаём им комфортную, прекрасную жизнь, а они благодарят нас тем, что поддерживают наше здоровье. Это симбиоз разных форм жизни, союз, который выстраивает гармоничное сосуществование. Всё едино.

— Получается, что всё взаимосвязано во вселенной?

— Конечно, Еще. Мы все часть одного живого организма и вплетены в ткань мироздания своим сердцем. Поэтому и способны на такие чувства.

— Тензин. Мы с тобой две мельчайшие бактерии.

— О да. Но даже такие крохотные бактерии когда-нибудь станут брахманами. Пойдём, скоро ужин.

Не успел он произнести этих слов, как ударили в гонг — в большой подвесной металлический колокол, созывающий всех на ужин. Еще вскочил и побежал первым.

— Я первый! Я первый! — прокричал он.

На третьем шаге он всё-таки посмотрел вниз, на утоптанную тропу, и сбавил ход. Бежать первым и никого не раздавить оказалось труднее, чем просто бежать первым.

— А спорим, сегодня на ужин рис.

— Нее-ет, я думаю, суп, — ответил Тензин, и они вместе вошли в трапезную.

Пахло варёным рисом.

— Я же говорил — рис, — сказал Еще.

— Откуда ты всё знаешь? — произнёс Тензин.

И они разошлись по своим местам.

После ужина на улице начался диспут, в котором проверялись знания, усвоенные за сегодняшний день учения, и понимание их сути. Это было весело. Спрашивающий отступал на шаг, заносил правую руку и обрушивал ладонь на ладонь — хлопок, отсекающий неправду, — и вопрос прилетал в тебя вместе со звуком. Еще нравилось, как его друзья по монашеству проверяли его, задавая разные вопросы, на которые он тут же отвечал, даже не задумываясь, от того что логика всегда была впереди него, как интуиция, которая его никогда не подводила.

По завершении диспута главный настоятель монастыря лама Лодрё собрал всех, чтобы сообщить, что завтра будет особый диспут, особые дебаты, и он сам будет присутствовать на них и задавать вопросы. Это не был экзамен. Это был диспут правды, в котором высказывались все сомнения, всё недоверие, все идеи и всё понимание — строго под своим углом зрения, не беря в расчёт учение. Открытый разговор подразумевал открытие души и проявление своей честности, в которой был целый необъятный мир, который следовало исследовать.

Еще нравился такой диспут, и в этот вечер он ложился спать с предвкушением завтрашнего дня. Тензин проводил его в комнату и расправил ему постель.

— Давай спать, Еще.

— Не-ет, пожалуйста. Можно один вопрос? — Еще сложил ладони, умоляя, и посмотрел такими глазами, которым нельзя было отказать.

— Конечно.

Тензин присел рядом с ним на кровать и укрыл его одеялом. Он был ему и отцом, и матерью, и старшим братом, и всей его семьёй в одном человеке, которого он сильно любил.

— Тензин, получается, что мы — огромный макромир для наших внутренних обитателей?

— Ты о ком, Еще?

— О бактериях.

— А-а. Ну конечно.

— Мы для них не просто их огромный мир, вселенная. Мы ещё и передвижной мир, и транспорт их передвижения. Мы их бесконечный космос, в котором они проживают всю свою жизнь. И поэтому мы для них практически Всевышний Бхагаван.

— Да, именно так. Только они не знают, просветлённый ты бодхисаттва или нет. А если нет — ты ставишь их жизнь и само их существование под угрозу, а они на тебя рассчитывают. Так что ты должен отвечать их требованиям и быть для них священным сосудом. Тебе это понятно?

— Да, Тензин. Я позабочусь о них, я тебе обещаю.

Тензин помолчал.

— Запомни одно. Сосуд не решает, что в него нальют. — Он поправил одеяло. — Спроси себя как-нибудь: а кто держит сосуд?

— Спокойной ночи.

После этих слов Тензин поднялся, потушил свечу в спальне и уже хотел выйти, как услышал тихое:

— Я люблю тебя.

— И я тебя, Еще.

После этих слов он вышел из спальни и закрыл за собой дверь.

За окном холодало. Снизу, от Боднатха, поднимался ровный гул — сотни голосов, читающих мантру, слившиеся в один длинный звук, будто холм сам себе что-то тихо повторял на ночь.

Еще не мог заснуть, хотя и хотел, чтобы завтрашний день наступил как можно быстрее. Он размышлял о сказанном и представлял себе в своём воображении этот крохотный мир бактерий, в котором присутствовали разные колонии и которые между собой враждовали в его организме. Он вставал между ними и пытался их помирить. Но они продолжали завоёвывать друг друга и тем самым провозглашали свои территории неприкосновенными и завоёванными, при этом в битве умирали десятки тысяч воинов и простых мирных бактерий, которым просто не повезло, так как оказались не в то время и не в том месте. Это была карма, которой было объяснение, но которого Еще пока не находил.

Он видел, как много разных колоний развивались по-разному: некоторые были мирные, а некоторые агрессивные, и они напоминали ему монахов их монастыря. Были и светлые воины Шаолиня — о них по вечерам шёпотом рассказывали в спальне старшие мальчики, — и просто мирные граждане, бактерии, которые переживали о своём потомстве и своём мирном сосуществовании. Но не все кланы были одинаковыми: были и те, кто напоминал захватчиков и пожирателей. Они вечно отвоёвывали территории и создавали опухоли и разные болячки, и от них страдал весь организм в целом. Но такова была их природа, которую Еще не мог победить. Он

делал всё, что мог, но они его не слушали и грызли его со всех сторон, как паразиты, которым больше ничего другого и не нужно было.

Он знал, что должен быть выход и что злиться на них нельзя, потому что злость подразумевала не любовь, а он хотел донести до них именно любовь — любовь своего сердца и своей души.

Еще кашлял ночью, и его простуда говорила ему о том, что он ещё не контролирует своё тело и не может дать мира своему внутреннему миру, который от этого страдал. Это была тяжёлая работа, но Еще гармонизировал его своей стойкостью духа, спокойствием и непоколебимостью. Он понимал, что только тогда, когда он достигнет состояния просветления, его воля наведёт порядок в его внутреннем мире и все бактерии, и все колонии наконец обретут покой и нирвану.

Еще видел тех бактерий, которые, достигнув своего просветления, покидали его организм: они вызывали раздражение, поднимались в нос, собирались в слизистой его соплей и ждали, когда их высморкают, чтобы продолжить своё путешествие в иной среде, в новом своём существовании. Еще видел своих бессмертных бактерий, которые никогда не умирали, а из одной формы переходили в другую — на протяжении всего существования жизни на земле, от самого её зарождения и до того дня, когда они поселились в нём.

Постепенно, сам того не замечая, погружаясь в своё воображение, Еще уснул. И этой ночью ему снилось продолжение того сна, который он видел в саду под деревом.

В этот раз метеорит, ударившись о землю, вызвал огромное землетрясение, которое сместило ось вращения земли, придав ей особое вращение, какого у неё раньше не было. От такого сильного удара метеорит раскололся пополам, тем самым подняв огромную гигантскую волну до самого неба, которая обошла всю землю несколько раз; волны сходились, бились друг о друга и постепенно успокаивались.

От такого мощного удара некоторые подводные несущие пласты земли треснули и начали расходиться в разные стороны, тем самым образуя новые материки. Единая молодая суша перестала быть единой, и наступала новая эпоха. Земля устояла после такого сильного удара, и то, что она оказалась сильнее этого метеорита, решило её судьбу.

Под водой расколовшийся пополам метеорит оказался полым, и внутри него пребывало нечто, что миллионы лет находилось в состоянии анабиоза. То, что дремало внутри столько лет, уже пробуждалось. Это была та форма жизни, которая вскоре заполнит всю землю и даст ей первые признаки жизни.

Четыре миллиарда лет они будут привыкать и адаптироваться к своей новой среде обитания, которую изучат и изменят под себя: их неземной разум знал, как приспособиться к среде, изучив её и подчинив своей сложной форме жизни.

В своём сне Еще видел, как они меняли мир, как эволюционировали и порождали всё новые и новые формы жизни, более сложные, чем они сами. Да, они эволюционировали до своего совершенного биологического состояния, практически до своего бессмертия. Это были те самые бактерии, благодаря которым мир преображался. Уже через два миллиарда лет они вывели новое царство, благодаря которому жизнь перешла на сушу и стал появляться кислород — тот самый, что так будет нужен человеку, до появления которого оставалось ещё около двух миллиардов лет.

Еще наблюдал во сне всю эволюцию буквально как на быстрой перемотке: годы, столетия, эпохи проматывались, как ускоренная плёнка. Точно так же пролетала и ночь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Малое утреннее чудо

В это утро Еще проснулся сам, ровно за полчаса до подъёма. Свои внутренние часы он настроил до такой степени, что они срабатывали как самые точные швейцарские. Еще хотел

первым встретить солнце — у него был такой обычай перед занятиями. Он встречал солнце в саду, у фонтана, а провожал из окна своего класса, до последнего лучика, пока оно полностью не заходило за горы.

С марта по сентябрь рассвет можно было застать ещё до подъёма, и у Еше было там своё особое место — в Верхнем саду, у дорожки для медитаций, на тропе вдоль восточного склона холма, среди деревьев и молитвенных барабанов. Оттуда было видно, как восходящее солнце рассеивает утренний туман над рисовыми полями и посёлками у подножия. Зимой солнце вставало позже, когда они уже начинали утренние молитвы, и первые лучи доставались одной только крыше главного храма. Зато в очень ясную зимнюю погоду с той же тропы можно было увидеть не только диск солнца, но и розовеющие снежные пики Гималайского хребта на горизонте.

Еше придавал этому событию особое значение. Тяга его была необъяснима и по-детски наивна: ему казалось, что, уловив первый луч, он первым здоровается с пробуждающейся Жизнью, несущей гармонию всему живому. Он считал это особым даром — встретить самое могущественное Божество, чья жизненная сила своим покровом заливает всех. Эта осязаемая Жизнь давала мальчику присутствие Бога на протяжении всего длинного дня и пребывание в его духе, от которого Еше просветлялся с каждым днём всё больше.

Он был кристально чист, как и сам этот свет; они чувствовали друг друга, отдавая тепло, заботу и любовь, которая присутствовала в этом блаженном свете и которая проходила его сердце, как живую дышащую мембрану, из которой он состоял и которая резонировала со всем живым вокруг. В момент восхода Еше сидел в позе лотоса и проникался жизненной силой целиком, и сам замечал, как становится чем-то необъятным и неопишущим. Он становился всем и всё мог чувствовать; ему казалось, что он превращается в живой пульсирующий нерв мироздания, вплетённый в его ткань и плоть.

И ему представлялось, что вся флора его микробиоты, весь его внутренний мир тоже застывает в изумлении и трепете перед тем чувством, которое расходилось в этот миг по всему его телу незримыми вибрациями. Это был тот язык, который понимали все бактерии и всё живое без слов. Он называл его языком сердца — языком, которому понятно и доступно всё и которому не было преград, как не было их и между его внутренним и внешним миром, между которыми пребывала необыкновенная гармония, а возможно, и сама Нирвана.

Еше считал это чистой магией. От такого состояния единства со всем сущим он заполнялся колоссальной жизненной энергией, которая воодушевляла его душу и пробуждала такое воображение, от которого ему становилось просто прекрасно. Он был естественно счастлив. В солнечных лучах он видел, как вся любовь вселенной пропитывает каждый живой атом до самого основания этой субстанцией жизни, в которой всем уютно и тепло. Еше хотел стать тем же солнцем для своих внутренних обитателей, с которыми он дружил и находил общий язык.

Животные, обитавшие поблизости от монастыря, чувствовали это и стягивались к нему. От него шло какое-то особое тепло и понимание, к которому им хотелось притронуться. Из-за кустов показались те, кого подкармливали монастырские мальчишки: бурундуки и белки, собаки и кошки, даже лисицы; ящерицы, привыкшие греться на прогретых солнцем камнях у основания ступ; в небе стали кружить птицы, а крупные бабочки садились на него со всех сторон. Это было чудное зрелище, которое иногда с ним происходило: выходя из медитации, он открывал глаза и видел вокруг себя этих животных, которые его совершенно не боялись. Он гладил их, и они ласкались к нему. Еше чувствовал их и даже понимал.

Так было и теперь. К нему подбежала его прирученная маленькая обезьянка — лучший друг, прибегавшая специально с соседних холмов и рощ, чтобы побыть рядом. Она прыгала по ветвям и крышам монастыря и всегда спускалась, когда он прогуливался по саду, а иногда заглядывала к ним в класс, вспрыгивая на подоконник открытого окна. Все знали, что это друг Еше, и улыбались: она уходила только тогда, когда Еше с ней поговорит. После этого она

тут же убегала, а Еше, как обычно, махал ей вслед. Он называл её Гьокпо — «быстрый», — потому что она была стремительной и шустрой. Это был тот посланник, который неожиданно прибегает и приносит весть.

В этот раз она подбежала и присела рядом. Еше погладил её и вытащил из кармана немного риса, который не доел за ужином. Он всегда думал о ней и заботился как о самом верном друге. Еше оглянулся, увидел, как всегда, целую компанию животных и птиц вокруг, улыбнулся им и снова закрыл глаза.

Он сидел на земле перед встающим солнцем и глубоко дышал, и каждый вдох и выдох были как целые циклы жизни, в которых с каждой секундой зарождались и умирали целые цивилизации. Проходящий ветерок, казалось, проходил его насквозь беспрепятственно: он был с ним единым целым, как и со всем, что его окружало.

Внезапно Еше почувствовал за спиной чьё-то дыхание.

В это утро по саду прогуливался и настоятель монастыря, и его заворожило то, что он увидел. Вокруг мальчика сияла аура; она вибрировала от каждого порыва ветра, и казалось, что солнечные лучи, проходя сквозь мальчика, преображаются в нём и, как от самого чистого кристалла, отражаются в разные стороны, образуя вокруг него свет, у которого грелись животные и птицы.

Лама Лодрё никогда прежде такого не видел. Это не было эффектом погоды — это был эффект внутренней природы мальчишки, который и не думал прекращать медитацию: ему в ней было так хорошо, что это чувствовалось на расстоянии. Лама стоял неподвижно, стараясь его не прервать. Это было самым настоящим преображением, а возможно, и просветлением духа. Это было природным чудом, и животные это чувствовали. Лама понимал, что о таком редком и явном феномене нужно доложить.

Еше обернулся, увидел настоятеля, поднялся на ноги и поклонился учителю.

— Я тебе помешал? — тихо и спокойно спросил лама Лодрё.

— Нет. Вы стояли очень тихо. Но ваше тёплое дыхание ощущалось — оно мне не мешало.

Лама удивился: он находился в нескольких метрах от мальчика, куда его дыхание дойти не могло, тем более что ветер дул как раз на него, через мальчишку.

— Чудесное утро, Еше, не так ли? — сказал учитель, подойдя ближе, и тоже стал смотреть на солнце, которое уже поднялось из-за горизонта и медленно взбиралось в небо.

— Как и все другие дни, учитель.

Еше поглядел вдаль, где раскрывалась прекрасная картина местности с её горными вершинами, и после недолгой, выдержанной паузы добавил:

— Только это утро ещё более особенное. Каждое утро, каждый день, каждое мгновение, каждый вздох — это бесценный дар Самой Жизни нам, который мы не всегда можем достойно оценить. Мы не ценим это прекрасное и дивное мгновение, которого уже не будет никогда. Мы проживаем жизнь, но проходим мимо неё, не замечая самого Божественного и чудного. А это нужно вдыхать всем сердцем, учитель.

— Ты прав, Еше. Ты мыслишь как взрослый монах. Мы обесценили жизнь, хотя она прекрасна в каждом своём моменте, которого мы уже не замечаем в суете и быту. А это именно то, что связывает нас с сердцем и дыханием Будды и всей жизни в целом. Весь космос заполнен этим дыханием, которое нам ещё предстоит познать, осознав всю красоту сердца Жизни. Для этого ты должен быть самой чуткой антенной, живым и трепещущим нервом, который движется за солнцем, как растения протягивают свои листья, будто руки, его свету. То, что делаешь ты. Нужно ощущать прану в каждом атоме — ощущать сердцем, тем органом, который вибрирует в такт со вселенной.

— Да, учитель.

— Ну ладно, пойдём. Ты же наверняка не успел убрать свою комнату? Ты же знаешь: где обитает чистота, там обитает и чистый дух. В грязный сосуд текут грязные воды.

— Да, учитель, я ещё успею, — произнёс Еше в спешке, поклонился и попытался поскорее отправиться в свою комнату.

— Ну давай, беги, — с улыбкой и гордостью за малыша сказал лама. — До утренней молитвы успеаешь. Пуджа ждать не будет.

После этих слов Еше поклонился учителю и побежал к себе. Зрелище было удивительное: за ним, как за магнитом, тут же направились все животные, что его окружали, — будто он был весь намазан мёдом, на который слетаются сладкоежки. Редко когда в монастыре происходило что-то чудное, но там, где был Еше, всегда обитало какое-нибудь маленькое и дивное чудо.

Даже на том месте, где он только что сидел, не помялась трава. Лама наклонился и потрогал её рукой. На траве была роса.

Он выпрямился и долго смотрел вслед убегающему мальчишке и его обезьянке, которая преследовала его повсюду.

К утренней общей молитве Еше, как всегда, успел.

Для молодого монаха это был особый день: вечером предстояли особые дебаты, которые Еше очень любил. Это был последний учебный день недели — завтра наступал день отдыха, полнолуние. А ещё Тензин по секрету сказал ему, что в обед приготовлен сюрприз: в два часа им покажут мультфильм Хаяо Миядзаки, — а такое событие пропустить было просто нельзя.

Еше больше всего на свете любил анимацию: она напоминала ему его собственное воображение, только облечённое в красивую и понятную форму. В его внутреннем дивном мире всегда жила анимация, форму которой понимал только он. И это не было особым складом ума — просто весь мир оживал сам по себе; живым было всё, в чём он обитал и что с ним сталкивалось. Всё это шло из его любящего сердца: он ощущал, как в груди возгорается пламя энергии жизни, преображающее всё, что он видит. Еше это ощущал и был рад, что всё именно так, как он видит. Он хотел любить ещё и ещё больше, хотел, чтобы его сердце объяло всю землю и все сердца, чтобы каждый смог ощутить то, что было у него в груди. И это было прекрасно.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Дебаты с учителями

Мультфильм показали сразу после обеда, в классе, на старом проекторе. Еше просидел весь сеанс не шевелясь. Там девочка разговаривала с духами леса, и лес отвечал ей, и в том мире это никого не удивляло. Значит, где-то далеко, за морями, взрослый человек видел мир так же, как видел его он. Еше вышел из класса молча и до самого вечера был тихим.

Он уже долго сидел в саду и смотрел, как заходит солнце. Он ждал дебатов. Внизу было слышно и видно, как во дворе монастыря монахи играли в разные детские игры, но присоединяться к ним он не хотел: игры были весёлым занятием, но сегодня Еше был настроен иначе, ему хотелось спокойствия.

Одной рукой он гладил обезьянку, которая то и дело лазила по нему и тоже хотела играть. Еше смотрел на неё и не знал, есть ли у неё мама и папа или она осталась совсем одна. Уж больно они привязались друг к другу; эта взаимность чувствовалась, потому что в ней была та самая любовь и забота.

Еше чувствовал время особо и знал, когда должен прозвучать гонг, созывающий всех на вечернюю службу и чтение мантр, после которых начинались те самые философские дебаты.

— Давай считать вместе, — сказал Еше обезьянке.

Гьокпо смотрела на него и помогала загибать пальцы на его ладони.

— Десять. Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два...

— Один.

Как только Еше это произнёс, с колокольни прозвучал глухой призыв гонга. Следом раздался протяжный, глубокий звук большой раковины, созывающий всех на вечернюю молитву в храм.

— Пуджа! Пуджа! — прокричал Еше, вскочил с места и радостно побежал вниз, на вымощенную каменными плитами площадь перед главным храмом, где уже начали собираться ряды бордовых одежд.

Монахи и юные послушники не спеша заходили внутрь, снимали обувь у входа и рядами рассаживались на низких длинных подушках. После того как все расположились, вместе с настоятелем в гомпу торжественно вошёл гость, которого усадили на почётное высокое резное сиденье, застеленное парчой, рядом с настоятелем, напротив алтаря Будды Шакьямуни. Все монахи встали, склонили головы и совершили три простирания. Когда ламы сели, запевала храма низким обертонным горловым пением начал вступительную молитву Прибежища и порождения Бодхичитты, и сотни голосов подхватили восхваление Манджушри — бодхисаттвы запредельной мудрости и покровителя дебатов. В храме стоял ровный гул чтения.

Еше сидел там, где и полагалось младшим, — в задних рядах, откуда видны одни спины и затылки. Оттуда почётный помост казался далёким и не имеющим к нему никакого отношения.

Сегодня на возвышении рядом с настоятелем сидел приглашённый гость в жёлтом шёлковом жилете — лама Церинг Дордже Ринпоче из великого тибетского монастыря Сера Дже, что в Южной Индии, в Карнатаке. Он перебирал чётки, тихо читал мантры вместе с сангхой и наблюдал за порядком и энергией зала. В традиции Гелуг вечерняя служба и переход к философским дебатам перед лицом высокого гостя имели строгий, выверенный веками церемониал.

Ринпоче собирался в Копан давно, ещё с зимы, и приезд его был делом решённым. Но после того, что лама Лодрё увидел этим утром в Верхнем саду, приезд перестал быть просто визитом. Настоятель ждал гостя весь день. Поводом был именно Еше — и об этом не знал никто, кроме них двоих.

Еше и ещё несколько младших послушников разносили в тот вечер пиалы с горячим тибетским чаем с маслом. Ринпоче попросил, чтобы чай ему принёс именно Еше: он хотел посмотреть на мальчика вблизи. Еше поднёс пиалу, и лама взял его за руку, задержав перед уходом.

В этот самый момент Ринпоче ударило током.

Он рефлекторно отвёл руку. Еше, понимая и чувствуя, что этот ток вышел из него, из его пальцев, тут же извинился.

— Ничего, ничего, — ответил Ринпоче.

Это был не просто разряд. В нём было что-то ещё, что лама почувствовал, но не мог передать словами.

Когда чай был разнесён, младшие послушники совершили краткое подношение чая Трёх Драгоценностям и сели на свои места. Молитвы завершились, и все стали переходить из храма во двор диспутов — чёру.

Постепенно вся процессия вышла из гомпы на мощёный открытый двор перед храмом. Завершив посвящение заслуг, монахи по сигналу снимали верхние церемониальные накидки, а кто и подвязывал бордовую накидку вокруг пояса, освобождая руки для резких хлопков и движений, которыми задаются вопросы. Следом во двор переместились и ламы.

Приглашённый лама не был пассивным зрителем — он занял центральное место судьи и наблюдателя. Ему и настоятелю вынесли кресла и низкие помосты с подушками в изголовье двора, в тени галереи храма, откуда открывался обзор на весь двор. Рядом поставили столик с чаем. Настоятель посмотрел на Ринпоче, и тот кивнул: можно начинать. После этого лама Лодрё сделал один чёткий хлопок в ладоши — и дебаты начались.

Двор взорвался шумом. Десятки пар и групп монахов заспорили разом, задавая вопросы и громко хлопая в ладони. Дебаты начинались в гималайских сумерках, которые сгущались очень быстро и переходили в глубокую темноту.

К тому времени, когда разгорелись основные споры, на холме уже наступила настоящая горная ночь. Внизу мерцали огни Катманду и ступы Боднатх, а над двором открывалось чёрное небо, усеянное миллиардами звёзд.

По периметру каменного двора и под навесами галерей горели электрические настенные фонари, освещавшие всё рассеянным желтовато-тёплым светом. А на почётном помосте, где сидели настоятель и приглашённый лама, и у входа в храм по традиции горели большие латунные масляные лампы и благовония. Контраст между резким электрическим светом, тенями сотен жестикующих фигур в тёмно-бордовых одеждах и тёплым пламенем лампад делал этот двор похожим не на школу, а на что-то куда более древнее.

Еще задавал вопросы и отвечал сам. В дебатах он был силён; ему казалось, что это его призвание, и он делал это от всей души. Но он не видел, что за ним всё это время велось особое наблюдение.

Ринпоче не вмешивался в мелкие перепалки послушников — он выискивал глазами тех, в ком проявлялась необычная глубина мысли. И всякий раз, когда очередь доходила до Еше, вокруг десятилетнего мальчика собирался круг слушателей, поражённых его нестандартными ответами о сострадании и «чистом чувстве». Шум вокруг затихал, и было слышно то, что излагал молодой монах.

А излагал он то, что ломало всю выстроенную строгую логику их учения. Да и, пожалуй, всех учений, вместе взятых.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Доводы

Ринпоче уже видел глубину ответов монаха, который отвечал практически не задумываясь, как на духу, без пауз и долгих размышлений. По этой причине он решил задать несколько вопросов сам.

Он знал, какой вопрос задаст первым. Вечер был объявлен диспутом правды, а гость приехал высмотреть суть и не хотел спрашивать школьную зубрёжку текстов. Он хотел задать вопрос-ловушку, проверяющий баланс между разумом священных текстов и сердцем с его глубинным состраданием, — вопрос, цепляющий мысли Еше за самую их основу и за самое его воззрение. Нужно было заглянуть в душу, чтобы увидеть истинную сущность монаха, увидеть лицо того, кто в нём был.

И когда очередь снова дошла до Еше, вокруг наступила тишина.

Ринпоче жестом подозвал мальчика в центр, прямо перед свой трон, чтобы лично задать главный проверочный вопрос. Еше подошёл и встал перед ним. Лама поднялся и сам направился к монаху, внимательно наблюдавшему и ждавшему вопроса. Подойдя ближе, гость произнёс традиционный возглас — призыв мудрости Манджушри, — шагнул вперёд, занёс руку над головой и обрушил ладонь о ладонь резким гулким хлопком:

— Дхи! Скажи мне, монах Еше. Великие пандиты прошлого потратили сотни жизней, чтобы записать законы Праджняпарамиты, а мы запираем себя за этими каменными стенами и заучиваем тысячи строк наизусть. Но если простой мирянин внизу, в долине, страдает прямо сейчас — не является ли наше сидение здесь и наши споры о мудрости величайшим обманом и эгоизмом? Зачем нам книги и законы, если для спасения живого существа довольно одного движения сердца?

Вопрос бил прямо в нерв самого мальчика: Еше и сам размышлял о том, что религия без чистой любви — людская надстройка, а уход в монастырь отсекает от помощи тем, кто остался в миру. Это была ловушка ортодоксии: большинство послушников испугались бы сказать правду и начали бы сыпать заученными цитатами из «Ламрима» о важности учения.

Еше стал отвечать сразу — свободно, без страха и без затруднений.

— Учение — это лишь карта, учитель. Но если путник не идёт по ней с любовью в сердце, карта становится просто сухой бумагой.

И тут же продолжил:

— Умственные практики хороши, они выявляют логику и структурируют правильный ход мышления, но всё же не приводят к высшему просветлению быстро. Если суть нашего учения — помощь другим, а уход в нирвану без помощи есть явление эгоистическое и недостойное монаха, то почему мы ставим философию выше чувствования, выше самого чувства? Я этого не понимаю. Альтруизм заключается в сочувствии и сопереживании, от которых ты лучше начинаешь понимать ближнего, — не логикой, а именно чувством. Так может быть, само просветление не в доктринах, устоях, правилах и текстах, а в альтруизме в чистом виде, в эмпатии? Да, философия воспитывает ум и держит разум в строгих рамках — но лишь для тех, кому эти рамки нужны, кто без них неспособен прийти к духовному самосовершенствованию. А если альтруизм и чувства на высоком уровне — тогда отпадает и сам вопрос. Вы так не считаете? Я вижу в этом противоречие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.